

Одуванчики

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Даниил Киселёв

18+

Даниил Киселёв

Одуванчики

«Автор»

2025

Киселёв Д.

Одуванчики / Д. Киселёв — «Автор», 2025

Рассказ о любви к родителям и о том, как часто мы забываем сказать им важные слова.

© Киселёв Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Даниил Киселёв

Одуванчики

1

Это произошло в сентябре: я вдруг подумал, что когда-нибудь мамы не станет. Мне позвонит папа, помолчит, а потом скажет: «Мамы твоей больше нет... Приедешь на похороны?». Может, другие слова найдёт, а, может, ничего не скажет, просто заполнит трубку тяжёлой пустотой. Я представил, как смотрю на могилу матери, разглядываю фотографию на надгробии и жалею о том, что был ей таким чужим, что ни разу не сказал, как сильно люблю её.

Поздним вечером последнего дня октября я сидел во Внуково, пил кофе в ожидании рейса до Города. Утром у «Победы» началась распродажа, и на последние деньги я купил самые дешёвые билеты. Пусть без багажа, пусть в тесном салоне, пусть у меня не спросят «Гречка с курицей или картофель с грибами?», зато скоро увижу родителей. О приезде никому не сказал, хотел сделать сюрприз. Я мог ясно представить, как удивится мама, и обрадуется, и заплачет, и обнимет, и скажет, чтобы скорее сядил за стол, «поди проголодался с дороги».

У гейта уже собралась длинная очередь. Я смотрел на топтавшуюся в ожидании посадки толпу и размышлял: «Какие же бывают люди тупые, чё они щемятся первыми? Боятся, что им места в самолёте не хватит? Или что место неудобное достанется? Или что самолёт без них улетит?»

Зашёл в салон одним из последних и с трудом втиснулся в кресло 22Е, поджав длинные ноги, колени неприятно упёрлись в спинку переднего кресла. Только я нашёл удобное (насколько это было возможно) положение тела и подумал, что сумею вытерпеть шесть часов перелёта (главное постараться уснуть), как почувствовал вибрацию – звонил телефон в переднем кармане джинс. Мысленно матерясь, с трудом вытащил мобильник и увидел на экране: «Женя».

– Алё? Ты чё так поздно? У вас уже почти два ночи.

Женя была моей двоюродной сестрой. Она жила в Городе и часто приезжала к моим родителям, которые воспитывали её с 9 лет, после того как её собственные погибли в аварии и Женя осталась сиротой. Она называла мою маму «мамой», моего отца – «папой», и приезжала к ним со своим мужем и ребёнком каждые выходные. Меня всегда утешала мысль, что родители не совсем одни – каждую неделю они видят дочь и нянчатся с внуком.

– Ты в самолёте, что ли? – Спросила после паузы Женька. – Тебе папа звонил уже?

– Не в самолёте. – Стало неприятно, что сюрприз может не удасться. – Не звонил. А должен был?

– Ремни там пристегнуть просят, спинку вертикально сделать. Подумала, домой летишь.

– Нет, – я уже начал раздражаться. – Кино смотрю.

– Маму на скорой увезли вчера вечером. Щас позвонили, сказали, она в коме. Похоже, всё как тогда. – Мне показалось, я куда-то полетел без самолёта. Руки, ноги, голова – всё как-то внезапно стало ватным, перед глазами поплыло.

– Алё? Ну чё ты, приедешь?

– Уже лечу, – мой голос охрип. Я положил трубку.

Вдруг стало неудобно, тесно, жарко; тело не могло оставаться на месте, ему было нужно *туда*. Срочно. Предполётный инструктаж казался долгим, скучным, бесполезным, а вся предстоящая дорога до *дома* такой длинной...

2

Я вздрогнул от лёгкого прикосновения.

– Пожалуйста, пристегните ремень, – попросила бортпроводница.

Самолёт медленно вырулил на взлётную полосу, замер, двигатели зашумели, железная коробка с крыльями и почти двумя сотнями пассажиров в ней подалась вперёд, разгоняясь, и через несколько секунд я почувствовал холодок внутри живота – оторвались от земли.

С детства мои отношения с родителями не то чтобы не ладились, в них просто не было лёгкости. Я никогда не отличался внимательностью, редко звонил домой. Единственный наш разговор за неделю всегда строился так:

– Алло. Привет.

– Привет, сынок.

– Как дела?

Мать кратко рассказывала, как дела, что примечательного случилось с момента последнего нашего разговора, про огород и жару летом, про холод и кучи снега зимой, спрашивала:

– У тебя что нового?

– Да ничего, всё хорошо. Как всегда. Работаю. – Мать сочувственно говорила, что, конечно, отдыхать тоже надо, спрашивала, есть ли деньги.

– Есть.

– Когда приедешь к нам в гости? Домой?

Я отвечал что-то неопределённое («Может, летом. Не знаю пока, некогда»), а затем в трубке повисала тишина – долгая, звонкая, плотная. Мама говорила со вздохом:

– Ладно, сыночек, не буду тебя отвлекать. Целую. Пусть всё у тебя будет хорошо.

– Целую. Папе привет. Пока.

После разговора оставалось чувство недосказанности, будто нужно было сказать что-то еще, но оба постеснялись или постыдились или по какой-то причине не захотели этого сделать.

Но даже такие редкие звонки всегда раздражали: необходимость рассказывать маме о своей жизни будто выбивала меня из привычной унылости дней и недель; я постоянно о чём-то размышлял, парился надуманными проблемами, тревожился из-за вечной нехватки денег и не мог найти своё место в жизни – меня ничто по-настоящему не интересовало. По сути, у меня не было хороших новостей, которыми я мог бы с ней поделиться.

Наверняка мать все это чувствовала, но никогда, ни разу меня ни в чём не упрекнула. Напротив, всякий раз, когда ей удавалось поговорить с сыном, радовалась и, кажется, была немного счастливой.

На одном из передних рядов громко заплакал ребёнок, выдернув меня из полусна. Во лбу заныло, как с похмелья.

– Извините, пропустите? – спросила соседка, сидящая справа от меня, у иллюминатора. Это была некрасивая молодая блондинка миниатюрных размеров, на левой её щеке ярко краснели следы сна на неудобном подголовнике кресла.

Я повернулся в другую сторону – очень полный мужчина похрапывал. Я замешкался, но блондинка сама его разбудила и попросила её выпустить. Пыхтя, толстяк с трудом выволочил свою тушу из узкого кресла и встал в проходе с недовольным лицом. У туалета выстроилась очередь из пяти или шести человек, я решил не садиться, пока не вернётся блондинка, толстяк же сразу вдавил свой зад между ручек сиденья и заснул.

С отцом мы общались ещё реже, чем с мамой, говорили суше и короче. У нас с ним было слишком мало общего: разные интересы, разные характеры, разные увлечения. Иногда я думал: «Он такой одинокий. Звоню ему раз в два-три месяца, это в лучшем случае, а после пары стандартных фраз в эту свою закрытую для него жизнь удаляюсь, и опять он остаётся

один». Жалость сворачивалась во мне клубком, но это ничего не меняло. Не мог же я набрать его номер и сказать: «Папа, мне тебя стало жалко, вот, решил позвонить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.